

УДК 947«1990» + 940.5

М.А. Шабасова

После советологии: политическая история России 1990-х гг. в современной англо- американской историографии

После распада Советского Союза советология, наука, обладавшая в течение сорока лет монопольным правом на изучение коммунистического региона, оказалась в состоянии глубокого кризиса. Неспособность советологов своевременно предсказать изменения в странах социалистического лагеря вызвала вполне обоснованные сомнения в целесообразности ее дальнейшего существования. Кроме того, окончание «холодной войны» сделало неоправданными те огромные средства, которые затрачивались правительствами западных стран на изучение враждебной сверхдержавы. И все же исчезнуть так просто советология не могла. Сложившиеся за десятилетия исследовательские традиции, равно как и школа по подготовке молодых специалистов, все еще могли оказаться полезными. Несмотря на то, что в 1990-е гг. странами бывшего соцлагеря заинтересовались представители разных общественных дисциплин, ученики старой советологической школы имели над ними то

преимущество, что обладали достаточным знанием фактических данных и восточноевропейских языков. Большинство советологов представляло региональный подход, ставящий акценты на уникальность каждой отдельно взятой страны и важность эмпирического материала.

При анализе российской демократии в постсоветологической традиции мы воспользуемся моделью, предложенной одним из ведущих специалистов в области российских исследований А. Брауном и разработанной специально для России. Согласно этой модели, важнейшими признаками, позволяющими определить нормальное функционирование демократического режима, являются: свобода создания и деятельности политических партий и организаций; свобода слова и доступа к альтернативным источникам информации; право принимать участие в свободных и честных выборах; состязательность в борьбе за занятие официальных должностей; политическая ответственность и верховенство закона [1].

При изучении вопроса об организации и деятельности политических партий и организаций речь идет не только о формальном появлении множества партий и декларативных правах населения, но об эффективности всей многопартийной системы, ее способности отражать интересы электората, а не исполнительной власти и элит. Р. Роуз образно пишет, что декларативная демократия дает населению примерно такую же свободу, как в пресловутой ситуации «Адам – Ева», когда Бог, представив Еву Адаму сказал, что она и является избранной им женщиной [2].

Англо-американских исследователей интересовала готовность российского общества адекватно ориентироваться среди множества партий и их программ. С. Уайтфилд, поддержанный рядом других авторов, полагал, что россияне являются достаточно политически грамотными, чтобы разобраться в том, какая партия может стать наилучшим выразителем чаяний того или иного слоя населения. Различные социальные группы, пользуясь в основном экономическим детерминантом, связывают возможность удовлетворения своих потребностей с определенными партиями. Те, кто смог улучшить свое экономическое положение после крушения плановой экономики, поддерживали прозападные партии, ориентирующиеся на создание рынка. Малообеспеченные граждане, предпочитающие стабильность, являлись социальной базой политических организаций, выступавших за более весомую роль государственного сектора в экономике. Экономические предпочтения партий неизбежно имеют связь с их политическими взглядами, и те, кто пропагандирует рынок, становятся сторонниками либерализма, в то время как пострадавшие от приватизации и освобождения цен предпочли бы режим с чертами авторитаризма [3].

По мнению Дж. Риггса и Р. Шрайдера, после распада СССР исполнительная ветвь создала такую систему, которая должна была помочь ей сохранить собственную власть, что побудило политические элиты игнорировать, подавлять или манипулировать партиями. Власть в России преимущественно принадлежит президенту, не состоящему ни в одной из партий. Все партии, представленные в Государственной Думе, являются партиями меньшинства и, чтобы иметь возможность отстаивать свои интересы, вынуждены поддерживать президента. Сами политические партии оказываются, как правило, не способными к тому, чтобы привести в исполнение обещания, данные избирателям, так как российские политики совершенно откровенно предпочитают личные интересы общественным, и побудительным мотивом для кандидатов в депутаты является не реализация программы партии, а личные цели. Уже в момент появления партии на политической арене ее лидеры руководствуются собственными амбициями, а не желанием представить интересы определен-

ных социальных, этнических, религиозных и др. групп [4]. Д. Слайдер, анализируя процесс формирования партий на региональном и национальном уровнях, показал, что российские губернаторы всегда предпочитали поддерживать «партию власти», будь то «Демократический выбор России» (ДВР) Е. Гайдара или «Наш дом – Россия» В. Черномырдина [5]. Подобная неустойчивость свидетельствовала об отсутствии убеждений, которые нужно было отстаивать и твердой ориентации на какую-либо группу населения.

Р. Роуз писал о том, что в России элита навязывает избирателям партии, из которых они и должны выбирать. Партии возникают и исчезают с невероятной быстротой, что позволяет им избежать ответственности перед электоратом и свидетельствует о слабой связи между партиями и общественностью [2]. А. Браун утверждал, что формально свобода деятельности партий и организаций существует, но их эффективность за годы нахождения у власти заметно снизилась. Власть в стране принадлежит элите, и нет никакого стимула для активности со стороны граждан, неправительственных организаций, профсоюзов и политических партий [1, с. 547–551].

Что касается свободы средств массовой информации, то здесь, по мнению западных исследователей, очевиден определенный регресс. В результате проводимой политики гласности к моменту распада СССР наметились позитивные тенденции: «границы гласности раздвигались в 1986–1989 г. все шире и шире с каждой неделей, и к концу периода была достигнута действительная свобода слова» [1, с. 551]. Между тем, как отмечает Л. Белин, к концу 1990-х гг. российские средства массовой информации были гораздо менее независимыми, чем в начале десятилетия, а российские журналисты мрачно оценивали свои возможности беспристрастно освещать ход событий. Центральные каналы телевидения и печатные издания попадали под все больший контроль промышленных и финансовых олигархов. Поворотным моментом в судьбе российских средств массовой информации стала удачно проведенная в 1996 г. предвыборная кампания в поддержку Б. Ельцина, после чего российская элита по достоинству оценила потенциал масс-медиа в ведении политической борьбы. К концу 1990-х гг. ранее независимые газеты и телеканалы должны были считаться с мнением своих вынужденных спонсоров при подаче тех или иных событий, что стало особенно заметно во время второй чеченской кампании, парламентских и президентских выборов 1999 и 2000 гг. [6].

По мнению А. Брауна, свобода слова, если понимать ее как право на критику и участие в демонстрациях, в постсоветский период сохранилась. Россиянам доступны различные печатные и электронные издания, иностранное радиовещание, спутниковое телевидение и интернет-ресурсы. Однако, в то же время, журналистская свобода существенно ограничена государством и олигархами. Центральные масс-медиа, особенно телевидение, все чаще подвергаются цензуре, Кремль старается контролировать ту информацию, которая доходит до населения. Еще большему прессингу средства массовой информации подвергались на региональном уровне, и московские газеты скорее могли критиковать президента Б.Н. Ельцина, чем опубликовать что-либо нелестное о мэре Ю.М. Лужкове [1, с. 551–554].

Согласно социологическим опросам, россияне не полагаются на такие институты, как Дума и референдумы, и слабо верят в значимость выборов. В то же время, они не могут пожаловаться на грубые нарушения и откровенную подтасовку результатов голосования. Выступая в защиту российских реформ, А. Шлейфер и Д. Трейзман обращали внимание на формальное соответствие выборов в России демократическим нормам. Они ссылались на то, что с 1991 г. парламентские и президентские выборы в стране проходили в сроки, установленные Конституцией, в них участвовали партии и отдельные кандидаты,

взгляды которых покрывали весь политический спектр, а со стороны международных наблюдателей избирательный процесс в России неизменно получал высокие оценки на протяжении всех 1990-х гг. (например, миссия ОБСЕ назвала выборы 1993 и 1995 гг. «свободными и справедливыми», а голосования 1996 и 1999 гг. были отмечены как «консолидирующие представительную демократию») [7].

Однако С. Уайт утверждал, что в посткоммунистическое десятилетие режим, используя мощный потенциал масс-медиа, преуспел в контроле над процессом выборов настолько, чтобы не беспокоиться за их итоги. Если в декабре 1993 г. Б.Н. Ельцин и его сторонники, полагая, что россияне отдадут предпочтение проправительственной партии, не предприняли никаких попыток повлиять на выборы и были жестоко разочарованы, когда победа досталась либерал-демократам В.В. Жириновского, то в 1995 г. Кремль более активно поддержал «партию власти» «Наш дом – Россия», возглавляемую премьер-министром В.С. Черномырдиным. В 1996 г. Б.Н. Ельцин, несмотря на то, что накануне избирательной кампании его шансы на победу практически равнялись нулю, используя избирательные технологии, смог во втором туре президентских выборов обойти Г.А. Зюганова. Еще более удачными были парламентские выборы 1999 г., когда только что появившаяся партия «Единство» смогла набрать почти четверть голосов в свою пользу, что предвзоветило переход власти к В.В. Путину, ставшему президентом страны в марте 2000 г. практически без предвыборной агитации за свою кандидатуру [8].

Безболезненная передача Б. Ельциным власти своему преемнику, по мнению западных аналитиков, говорит не столько о популярности, сколько о жизнеспособности режима, сумевшего нейтрализовать своих оппонентов. Анализируя причины победы В. Путина, М. Макфол писал об использовании исполнительной властью доступных только ей государственных ресурсов, с помощью которых удалось получить одобрение населением новой чеченской кампании, создать позитивный образ будущего президента и устранить политических противников посредством критики в СМИ [9]. Выборы 1999 и 2000 гг., завершившиеся нахождением у власти Б. Ельцина, продемонстрировали потенциал Кремля по управлению страной «сверху» и склонность режима к обретению авторитарных черт и отстранению общества от политической активности.

Вопрос о состязательности в борьбе за занятие официальных должностей тесно связан с проблемой демократичности всей избирательной системы. Теоретически любой россиянин, достигший определенного возраста, может баллотироваться в депутаты Государственной Думы или претендовать на пост президента. Однако на практике появляется ряд ограничивающих возможности факторов. Исследователи приводят пример Ю.М. Лужкова и Е.М. Примакова, пользовавшихся какое-то время популярностью у избирателей, но вынужденных воздержаться от выставления своих кандидатур на президентских выборах 2000 г. из-за активной критики со стороны подконтрольных государству СМИ. На региональном уровне применяются еще более жесткие методы по отношению к конкурентам действующей исполнительной власти, и президентские выборы в Калмыкии, Башкирии, Татарстане и Ингушетии можно было бы назвать «выборами без выбора» из-за непреодолимых препятствий, чинимых кандидатам от оппозиции [1, с. 556–557].

Быстрая сменяемость партий позволяет парламентариям уклониться от отчета о своей деятельности. Политики могут безнаказанно предпринимать не пользующиеся поддержкой россиян шаги, а правительство функционирует вне зависимости от итогов голосования, примером чего может послужить политическая карьера В. Черномырдина, оставшегося премьер-министром до 1998 г., тогда как его партия «Наш дом – Россия» была отвергнута девятью

десятыми российского населения на выборах в 1995 г. Но кроме несомненных недостатков российского политического режима, зарубежные эксперты обращают внимание также на особенности политической культуры России, делающей такое явление возможным. Согласно Дж. Ллойдю россияне переносят тяготы переходного периода с завидным стоицизмом, полагаясь не на государство или партию, а на собственные силы [10]. Э. Карнаган делает упор на апатичности и безразличии населения России к происходящему в стране, что может привести к тому, что «даже если Россия будет уверенно продвигаться по пути создания демократических институтов, то и новая система окажется бессильной действовать в интересах народа, не демонстрирующего интереса к политике» [11]. Иными словами, особенности российской политической системы обусловлены в том числе и политическими воззрениями граждан страны, которые, голосуя за кандидата в депутаты, не ожидают от него помощи в решении своих проблем, а следовательно, и не пытаются добиться от него действий в своих интересах. В отличие от других требований, предъявляемых к демократии, требование «политической ответственности» можно считать полностью невыполненным.

Проблематичным выглядит и реализация принципа «верховенства закона», оказавшегося абсолютно чуждым для российских традиций и всего жизненного уклада населения страны. К. Хэндли полагает, что, по сравнению с Советским Союзом, российское законодательство сделало шаг вперед. Хотя при этом сохраняются особенности политической культуры России, где важные вопросы всегда решались неформальным образом при помощи личных связей внутри государственного аппарата или путем покровительства со стороны криминального мира. Кроме того, законы, которые стали издаваться с 1991 г. в большом количестве, с одной стороны, зачастую имели своими прототипами западные аналоги, с другой – мало общего с действительностью. Слабыми оказались механизмы реализации законов и контроля над их исполнением, что позволяет россиянам относиться к законодательным новшествам не слишком серьезно и терпеливо ожидать, пока пройдет время, все уляжется и пойдет по старому [12].

По мнению большинства зарубежных экспертов, в 1990-е гг. России так и не удалось в полной мере приобрести качества и признаки западной демократии, что может объясняться, в частности, феноменом российской политической культуры, отягощенной авторитарным прошлым. Из-за имевшегося демократического «фасада» Российская Федерация 1990-х гг. не могла быть классифицирована и как автократическое государство: в стране проводились выборы, существовали многопартийная система и свобода слова. Такое сложное сочетание демократических и автократических черт, усугубленное историческим наследием и принимаемыми в расчет претензиями на уникальность, привело к появлению множества концепций политического устройства России.

Одной из наиболее своеобразных является теория «феодалного государства». Согласно Ч. Фэрбэнксу в России действовал тот же механизм в отношениях «правитель – подданные», что и в средневековой Европе, и, подобно феодалам, получавшим за верную службу землю от средневекового государя, российские олигархи и чиновники добивались материальных благ и должностей благодаря своему лояльному отношению к исполнительной власти [13].

Не была оставлена без внимания и та роль, которую играли в политической жизни страны олигархи и группировки элиты, значительно повлиявшие на имидж России 1990-х гг. Часть исследователей, например Дж. Уэдел, была склонна видеть в «кланах» ключ к пониманию всей российской действительности [14].

Существуют и другие модели российского политического устройства. Англо-американская историография политического режима ельцинской России в точности отражает состояние «российских исследований» после распада СССР и упадка тоталитарной и ревизионистской советологических школ. Имея дело с отдельными проблемами, западные специалисты вполне адекватно оперируют имеющимися в их распоряжении фактами, и работы, посвященные отдельным институтам демократии, носят непротиворечивый и даже комплиментарный характер. Все выглядит совершенно иначе, когда ставится вопрос: «А что же представляла собой посткоммунистическая Россия переходного периода?» На сегодняшний день западные гуманитарные и социальные дисциплины находятся в поиске ответа на этот вопрос.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Brown A.** Evaluating Russia's Democratization // Contemporary Russian Politics. A Reader / Edited by Archie Brown, Oxford University Press, 2000. – P. 548.
2. **Rose R.** How Floating Parties Frustrate Democratic Accountability: a Supply-Side View of Russia's Elections // East European Constitutional Review, vol. 9, No. 1–2. – P. 53.
3. **Whitefield S.** Partisan and Party Divisions in Post-Communist Russia // Contemporary Russian Politics. A Reader / Edited by Archie Brown, Oxford University Press, 2000. – P. 235–246.
4. **Riggs J.W., Schraeder P.J.** Russia's Political Party System As an Impediment to Democratization // Democratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization, vol. 12, No. 2, Spring 2004. – P. 287.
5. **Slider D.** Russia's Governors and Party Formation // Contemporary Russian Politics. A Reader / Edited by Archie Brown, Oxford University Press, 2000. – P. 224–234.
6. **Belin L.** Political Bias and Self-Censorship in the Russian Media // Contemporary Russian Politics. A Reader / Edited by Archie Brown, Oxford University Press, 2000. – P. 423–442.
7. **Shleifer A., Treisman D.** A Normal Country // Foreign Affairs, March / April 2004.
8. **White S.** Russia, Elections, Democracy // Government and Opposition, vol. 35, No. 3, 2000. – P. 302–324.
9. **McFaul M.** One Step Forward, Two Steps Back // Journal of Democracy, vol. 11, No. 3, July 2000. – P. 19–33.
10. **Lloyd J.** Democracy in Russia // The Political Quarterly, 1993. – P. 148.
11. **Carnaghan E.** Alienation, Apathy, or Ambivalence? «Don't Knows» and Democracy in Russia // Slavic Review, vol. 55, No. 2, Summer 1996. – P. 363.
12. **Hendley K.** Rewriting the Rules of the Game in Russia: the neglected Issue of the Demand for Law // East European Constitutional Review, vol. 8, No. 4. – P. 89–95.
13. **Fairbanks Ch.H.** Comments on «One Step forward, Two Steps Back»: The Feudal Analogy // Journal of Democracy, vol. 11, No. 3, July 2000. – P. 34–36.
14. **Wedel J.R.** Collision and Collusion. The Strange Case of Western Aid to Eastern Europe. 1989–1998. St. Martin's Press, New York, 1998.

S U M M A R Y

Russia as a post-communist country became a matter of study of social disciplines and the humanities dealing with the process of the region morphing. The researchers paid attention first of all to the significance of the facts and the unique development of each socialist country and their post-communist "transit". Since there is no any common scientific school on this topic the western historiography is now searching the scientific approach showing present-day world realities in the most precise way.

Поступила в редакцию 9.06.2006